

ХОЗЯЕВА МИРА

КАББАЛА ВЛАСТИ

ИСРАЗЛЬ ШАМИР

Хозяева мира

Исраэль Шамир
Каббала власти

«Алисторус»

2019

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Шамир И.

Каббала власти / И. Шамир — «Алисторус», 2019 — (Хозяева мира)

ISBN 978-5-907149-01-4

Израэль Шамир – российско-израильский писатель, переводчик и публицист антиссионистской направленности. В своих произведениях он затрагивает темы, которые мало кто рискнет затронуть: мировой заговор, протоколы сионских мудрецов, «кровавый навет» и т. п. Будучи сам евреем, И. Шамир поставил себе целью подвергнуть критике национальные черты или элементы еврейской культуры, которые он считает отрицательными. В книге «Каббала власти» он подробно останавливается по соответствующей политике (еврейское лобби в США и других странах), экономике (влиятельные семьи банкиров), влиянии определенных представителей СМИ на общество.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-907149-01-4

© Шамир И., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Евреи и заговор элит	5
Апокалипсис близок	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Исраэль Шамир

Каббала власти

Евреи и заговор элит

Апокалипсис близок

По зелёным лужайкам Гайд-парка бродит старый бродяга с потрёпанной картонкой, на которой написано «Конец света близок». Он бродит уже много лет, если это тот же бродяга, который попался мне на глаза тридцать лет назад. Но и остановившиеся часы рано или поздно покажут правильное время. Неужели этот зловещий момент наступил?

Волшебная пентаграмма Пентагона сломана, и Вавилонская Башня Близнецов рухнула одиннадцатого сентября 2001 года. Евреи правят в Святой Земле. Курс доллара высок, но творческий потенциал христианского мира достиг своей самой низшей точки; в магазинах – столпотворение, но церкви пустуют; кругом полно дилеров и брокеров, но нет новых художников, поэтов и святых. Наводнения и ураганы, летом снег, зимой – жара, отравленные реки и пересохшие озёра напоминают нам, что наша Мать-Земля тяжело больна. Апокалипсис близок, и многие люди остро чувствуют это в последние годы.

Джастин Раймондо рассматривает статью, опубликованную в Weekly World News («этой аляповатой бульварной газете, в чтении которой никто не признается даже у кассы супермаркета»), под странным названием: «Лик Сатаны сфотографирован над американским Капитолием!» Была даже приложена картинка, излучавшая откровенное зло: тонкое, издевательское лицо глядело из плывущего черного облака, горящие безумные глаза, и рот, искривлённый в сатанинской глумливой усмешке. WW News цитируют «одного бывшего оперативника ЦРУ, пожелавшего остаться неизвестным»:

«Тут изображено олицетворение ужаса. Ничего подобного мы никогда не видели в этой стране. Имеем ли мы дело со сверхъестественным явлением? Является ли «это» иной формой жизни? Либо, что за черт, я спрашиваю: может, это был дьявол собственной персоной?»

Подобное чувство, некогда разделяемое только очень чувствительными индивидуумами с развитым воображением, либо преданными читателями WWN, сегодня захватило всю шахматную доску социума. В Москве и Нью-Йорке, Иерусалиме и Багдаде, Париже и Берлине, неверующие и практичные люди обращаются друг к другу с вопросом: «Неужели это конец света?»

«Да, он самый», – ответил на этот вопрос известный американский философ, Иммануил Валлерстайн, но добавил осторожную оговорку в заглавие своей книги с весьма точным названием: «Конец (известного нам) Света». Он пришёл к выводу, что продолжительный период человеческой истории подошёл к своему непредсказуемому финалу. Мир, каким мы, наши родители, наши дедушки и бабушки его знали, и в самом деле приходит к концу.

Он полагает, что «известный нам мир» сложился примерно 500 лет назад в Западной Европе и достиг своего апогея в Соединённых Штатах Америки. Он характеризовался специфическим феноменом, так называемым «капитализмом» или «рыночной экономикой». Валлерстайн смело отклонил аксиому «неизбежного прогресса» и заявил, что подобный феномен не был неизбежным, а являлся случайным и отрицательным процессом, абберрацией в истории человечества. Практически все общества содержали и содержат капиталистические элементы,

но обычно они остаются маргинальными. Здоровое общество умеет их ограничивать и сдерживать. Даже когда капиталистические элементы успешно прорывались от периферии к центру, их пытались сдерживать путём экспроприации или погромов. Ведь капитализм – это болезнь, и её надо уметь остановить, пока она не уничтожила организм общества.

Неизбежность экспроприации заложена в самой сути капитализма. Предположим, что Иуда Искарriot не выбросил свои тридцать сребреников, а положил в банк под процент. К нашему времени его вклад стоил бы больше, чем вся земля, даже если бы она была сделана из чистого золота. Но этого не может быть, потому что время от времени происходят экспроприации.

Валлерстайн сравнил этот механизм с иммунной системой организма. Расцвет капитализма в Западной Европе был аномалией, внезапным коллапсом иммунной системы европейского общества. Вирус капитализма прорвался, и Европа встала на путь политического и военного успеха.

Чтобы понять характер европейского преуспевания, возьмём для примера осаждённый город. Пока голодные и слабые граждане ощущают единство своей судьбы, чувство братства поддерживает их. Но когда побеждает индивидуализм, когда клич «каждый – за себя!» открыто звучит на улицах, некоторые люди замечают, что с голодом можно справиться, если заняться людоедством. Сильное и спаянное общество ликвидирует людоедов. Но если чувство общности судьбы и братства подведёт, людоеды овладеют городом. Их поведение можно будет считать успешной стратегией выживания. Люди последуют их примеру, потому что люди обычно следуют успешной модели поведения.

Так западная пропаганда призывает незападные народы (в том числе Россию) избрать парадигму индивидуализма, чтобы следовать западной модели. Но эта тенденция губительна, она разрушает общество и природу, и может привести нас на край пропасти. Вероятно, мы уже давно оказались бы под Железной Пятой олигархии, как Джек Лондон предчувствовал ещё в 1910 году, если бы русская революция 1917-го не потрясла мир и не предложила альтернативу, пишет Валлерстайн.

Благодаря русской революции народы Западной Европы и Северной Америки получили возможность сформировать своё общество благосостояния, в котором средний класс был замечен, и рабочие жили довольно сносно, а страны «третьего мира» получили отсрочку от карательных рейдов и колониальных захватов. Накануне 1917-го Англия, не смущаясь, обстреляла японский город Шимоносеки, мстя за убийство британского дипломата. Накануне 1917-го голландцы убивали индонезийцев тысячами и десятками тысяч, чтобы обеспечить своё владычество. Накануне 1917-го социальные контрасты и противоречия в европейском обществе были столь же огромны, как в странах современного третьего мира. С крушением социалистической системы в 1991-м году, эта длительная «передышка истории» закончилась. Мы вернулись назад, в 1917-й год, считает Валлерстайн, и оккупация Ирака американцами – прямое продолжение дореволюционной политики англоамериканцев.

Значит ли это, что элиты, потерпевшие поражение в 1917 году, смогли вернуть себе утраченные позиции? Нет. Старые элиты ушли со сцены, князья и графы остались в романах великосветской жизни и в фильмах Никиты Михалкова. Их место заняла новая общественная и духовная сила. В своих статьях я называю их «мамонцами», почитателями Мамоны, или нео-иудеями, поскольку эта многонациональная группа имитирует некоторые еврейские тенденции. Мамонцы сражались со старыми элитами на всей поверхности планеты, время от времени заключая союз с левыми силами. Они использовали русскую революцию, чтобы изгнать или истребить старые русские элиты. В Англии и в Скандинавии старая элита потеряла власть с появлением социальной демократии. Немецкая элита была частично уничтожена, частично «перевоспитана» Гитлером, а в Италии местная элита была раздавлена в ходе Второй мировой

войны. Пока штурвал власти находился в руках старой элиты, мамонцы проповедовали идею равенства и передачи власти и ресурсов от старой элиты в руки простых людей.

Это было время больших надежд. Богатство и организационные структуры мамонцев помогали подлинным сторонникам равенства, и лишь немногие задумывались над тем, каковы истинные планы их могущественных союзников. Пока банкиры, адвокаты и владельцы СМИ поддерживали гуманистическую повестку дня, гуманисты игнорировали их более глубокие замыслы. Это было ошибкой, потому что тем временем они овладели дискурсом и стали его хозяевами.

Чтобы уяснить этот концепт, вспомним старый фильм Вуди Аллена «What's Up, Tiger Lily?» Американский режиссёр взял второсортный японский фильм, слегка перемонтировал и записал новую звуковую дорожку. В результате получился новый фильм с новым объяснением событий, новый нарратив. Нечто подобное делает и Гоблин, знаменитый русский дублёр: так, он превратил «Ночной дозор» в «Ночной позор», а «Братство Кольца» в «Братву» переозвучиванием. «Сады скорпиона», замечательный ленинградский фильм, целиком построен на изменении нарратива старых советских фильмов. Как и фильм, наш мир можно озвучить по-разному. Когда вы смотрите хороший фильм, скажем, «В прошлом году в Мариенбаде», без звука или на непонятном вам французском, вы не уверены в том, что вы видите. Наш мир более сложен, чем фильм Алена Рене, и только дискурс помогает нам уяснить весь спектр событий. В свободном дискурсе высказываются различные мнения о содержании «фильма», и «зритель» склонен выбрать усреднённую позицию. В режиссированном дискурсе Хозяева исключают неприятные для них опции, и «зрителя» ведут к позиции, «усреднённой в рамках предложенного дискурса», что и требовалось.

Например, Генри Киссинджер, руководя американской внешней политикой, разорил Камбоджу. На эту маленькую страну в Юго-Восточной Азии обрушилось больше бомб и мин, чем на Германию во Вторую Мировую Войну. Уцелевшие беженцы бросились в оккупированную американцами столицу – единственное место, которое те не бомбили. Население столицы выросло до невозможных размеров. В это время партизаны под водительством Пол Пота разбили американцев и взяли власть над руинами Камбоджи. В безвыходной ситуации они пошли единственно возможным путём и послали беженцев обратно в свои села, превращённые американцами в минные поля. Хозяева Дискурса пересказали эту грустную историю, опуская ковровые бомбардировки Киссинджера и подчёркивая число жертв вынужденного возврата к нормальному положению вещей. Теперь все знают о массовых убийствах в Камбодже, но никто не помнит американские бомбардировки. Мы «знаем» о «преступлениях коммунистов» и забываем о преступлениях мамонцев. После Второй мировой войны англичане и американцы создали обширную сеть концлагерей, в которых погибли миллионы немцев, коммунистов, малайцев, греков, но Хозяева Дискурса говорили только о сталинском ГУЛАГе. Палестинец, уроженец Яффы, не мог вернуться в родную Яффу – его не пускали евреи, но Хозяева Дискурса озвучили только требования русских евреев уехать в Яффу, где они никогда не были.

Мамонцам удалось создать уникальную всемирную машину дезинформации, захватив СМИ и заняв контрольные позиции в университетах. Их пресса прославляла тех, кого они хотели прославить, и стирала память о тех, кто им не был нужен. Эта машина даёт сбои, но она всё же способна генерировать нарратив для миллионов.

Если до 1968 года мамонская машина разламывала старые устои, требовала больше свободы, после 1968 года мамонская задача была выполнена и началось закручивание гаек. Вместо свободной любви пошли страшилки о СПИДе, а бесшабашных героев прошлого сменили послушные солдаты новых голливудских фильмов. В 1968 году мамонцы изменили революции, ведь они достигли своей цели и смогли встроиться в старую элиту. Они оставили красивые слова о равенстве и о гражданских правах, и приняли новую доктрину порабощения человека человеком. Подобным же образом буржуазия использовала напор и гнев народных

масс во время Французской революции 1789 года. Рабочие и крестьяне расправились со старой аристократической элитой, и тогда новая буржуазная элита оттолкнула народ от руля, дав ему коленкой под зад, и пришла к власти с помощью военного гения Наполеона.

После 1968 года неустанная История начала свой новый виток. Мамонцам больше не нужна демократия и государство всеобщего благоденствия. Теперь для укрепления своего правления они нуждаются в новом Наполеоне. Именно поэтому после 9/11 силы олигархии зачёркивают Хартию о Правах Человека, демократические свободы, хартию ООН и международные соглашения, и создают новый мир, в котором останется несколько миллиардеров, урезанный до минимума средний класс, обнищавшие рабочие и мощные армейские и полицейские силы. Они надеются выйти непобедимыми из переходного периода хаоса и суматохи. Но этот тёмный час – время нашей надежды.

Завтрашний день скрыт от наших глаз не случайно. Мы дошли до поворотного пункта истории, говорит Валлерстайн, это исторический перекрёсток, один из тех, что возникают раз в тысячелетие. Подобная развилка – эпоха нестабильности по определению. Это – время, когда даже небольшие усилия индивидуума способны изменить ход вещей. В периоды стабильности даже колоссальные усилия мало что меняют. На протяжении нескольких столетий люди верили в предопределённый и неизбежный исход исторического пути: будь то марксистская мечта, государство всеобщего благоденствия, или Второе Пришествие. На сей раз этой уверенности пришёл конец. Мы можем рухнуть в пропасть нового Тёмного Времени, нового средневековья, в страшную антиутопию, и наши дети никогда не простят нам нашего бездействия. Но мы можем сопротивляться, надеясь на лучшее.

Карл Маркс однажды описал человеческую историю как историю классовой борьбы за собственность на средства производства. Неодарвинисты видят историю, как состязание групп и народов за ресурсы, или как Столкновение Цивилизаций. Но я вижу в истории войну идей. Бомбардировка Соединёнными Штатами телестанции «Аль-Джазира» вскоре после американской же бомбёжки сербского телевидения напомнила нам об исключительной важности живого слова. Действительно, владельцы газет, телевидения, университетов и кинематографа – короче, Хозяева Дискурса – стали самой мощной силой наших дней. Они, а не производители стали и нефти, определяют нашу судьбу.

Люди сопротивляются обрыву своих корней, «искоренению», но их меры зачастую плохо продуманы и ошибочны. Современный национализм – неудавшаяся тактика механической защиты против искоренения. Когда совершенно реальное качество – любовь к своей общине и земле – покидает нас, оно вытесняется фикцией нации. Немецкий национализм предлагает материал для изучения этой болезни.

Пока немецкое общество всё ещё сохраняло свои корни, немцы любили свои города и деревни, свои маленькие королевства и герцогства. Они слушали Бетховена и Баха, ели своё излюбленное кушанье *wurst mit sauerkraut*, были провинциальны и счастливы. Когда же фактура общества была повреждена, немцы выбрали в качестве бальзама для заживления ран фантом немецкого патриотизма. Художник из Вены Адольф Гитлер был иммигрантом, не имевшим корней в Германии, человеком, который порвал все связи со своей родной землёй и общиной, со своей семьёй и церковью. И, что ещё хуже, он даже не заметил своей потери. Его любовь к Германии и немецкому народу не распространялась на природу и землю Германии. Именно поэтому он мечтал о завоевании Восточной Европы и России, чтобы создать в этих странах империю новой арийской расы господ, примерно так, как англосаксы создали Соединённые Штаты на земле коренных американцев. Он не понимал того, что, оторванные от немецкой почвы, немцы потеряют те качества, которыми он восхищался. Экспансия за пределы естественного географического ареала народа – смертельная уловка.

Националистические идеи Гитлера были заимствованы из обширного арсенала еврейской мысли. Евреи почитают еврейство, и этот порочный эгоцентризм был скопирован немец-

кими и другими националистами. Идею расового превосходства и разделения людей на расу господ и Untermensch («недочеловеков») можно отыскать во многих пылких еврейских религиозных книгах. Геноцид разрешается – нет! – вменяется в обязанность Ветхим Заветом, а заповедь «Истребите народ Амалека» всё ещё внесена в список под номером 604 из 613 заповедей ортодоксального иудаизма. Недавно ортодоксальный раввин Бар-Иланского университета издал краткий трактат под названием «Заповедь геноцида в Торе», объясняя концепцию геноцида и поднимая её до уровня «положительной заповеди» для верующих иудеев. (Не будем сейчас затрагивать отдельный вопрос практического применения подобных теорий.)

На крайнее сходство еврейского и немецко-фашистского подходов обратил внимание в 1942 году выдающийся русский богослов о. Сергей Булгаков. Этот друг евреев высказал сожаление по поводу того, что «детей Израиля преследуют в Европе после вчерашнего триумфа», но отметил: «еврейское самосознание идолизирует свою собственную нацию. Оно деградировало, превратившись в еврейский расизм, тогда как немецкий расизм – всего лишь завистливая пародия на него».

Как и многие слепые подражатели, Гитлер не сумел понять всю глубину отличия. Евреи – не территориальная группа, тогда как немецкая нация формировалась и на своей территории. Территориальным народам не следует выходить далеко за свои естественные пределы. Кроме того, они и не смогут существовать вне их. Доказательством этого можно считать судьбу потомков немцев в штате Пенсильвания и в других районах США: они потеряли свою этническую принадлежность и стали американцами.

Можно понять ошибку Гитлера. Его страшил еврейский успех, «возвышение еврея», и он решил подражать еврейской стратегии. Бойкот еврейских магазинов и предприятий был точной копией бойкота нееврейских предприятий и вытеснения неевреев с рынка труда в современной ему Палестине евреями-сионистами. Идея «деиудаизации» была зеркальным отражением сионистской «иудаизации». Мысль Гитлера о массовом изгнании евреев была калькой концепции выселения палестинцев, что ещё с времён Теодора Герцля (1896) предусматривал сионистский план, осуществлённый на деле в 1948 году.

Американский социальный психолог Кевин Макдональд описал нацистскую доктрину как «зеркальное отражение иудаистской стратегии» и потому самую большую угрозу евреям. Он предсказал, что в будущем неевреи, европейцы и американцы, обеспокоенные «возвышением еврея», станут «подражать аспектам иудаизма, заимствуя служащие интересам группы коллективистскую идеологию и социальные организации». Макдональд был прав, заявляя, что «иудаизма как групповая эволюционная стратегия окажет большое влияние на развитие народов Запада». Его заключение глубоко пессимистично: еврейская стратегия «обречена на победу», исполняется ли она евреями, или принявшими её коренными народами.

Для белого националиста такое заключение – призыв к немедленному применению иудаистской стратегии в интересах коренных народов. Еврейский супрематист убеждён, что иудаистская стратегия должна применяться только евреями. Но для нас, не-расистов, иудаистская стратегия плоха сама по себе, применяется ли она немцами, евреями или белыми англосаксонскими протестантами. Существует возможность совершенно другого, не-иудаистского ответа на иудейский вызов. Стратегия слепого подражательства пагубна, но существуют другие стратегии, основанные на не-иудаистской концепции территории и местного содержания.

Национализм основан на разнице между реальным и надуманным национальным содержанием. Вросшему корнями в свою родную землю англичанину не нужен никакой английский национализм, ведь он «дышит Англией». Он – сосуд, наполненный местным содержанием, в котором нет места никакой «английскости». Когда же англичанин чувствует, что потерял часть связей, он пробует восстановить их любовью к английской идее. Национализм возникает на руинах местных привязанностей. Когда связи человека с Тосканой, Кентом или Бургундией ослабевают, ему нужен заместитель – итальянский, английский или французский нацио-

нализм. В конечном счёте национализм превращается в шовинизм, в котором реальное местное содержание полностью забывается.

Американские ультрапатриоты – неокконы – полностью лишены американского национального содержания. Их шовинистическое размахивание флагом заступает на место любви к реальной Америке и американцам. Они – сторонники неограниченной иммиграции в США, поскольку не заботятся о своих соотечественниках – американцах. Их совершенно не волнует также и остальная часть человечества, и они без колебания бы подвергли атомной бомбардировке Ирак – родину Авраама – ради Израиля. Люди, справедливо испытывающие отвращение к циклопической агрессивности этой секты, позволили втянуть себя в анти-националистическую, универсальную и космополитическую программу. Но разве обязательно выбирать между безликостью и шовинизмом?

Есть реальная альтернатива обеим болезням – и Сцилле национализма, и Харибде безродного космополитизма, и это – любовь к конкретному региону или деревне. Любовь Фолкнера к Иокнапатофе и Барта – к штату Мэриленд, одержимость Джойса Дублином, и страсть Ролана к Бургундии, помещённая в центр мира Флоренция Боттичелли и Данте дают нам ключ к пониманию универсальной человеческой природы: местное содержание на самом деле существует в противоположность абстрактному обобщению.

Лидеры сионистов с их дешёвым софизмом имели обыкновение заявлять, что «нет никакого палестинского народа». Как и в любом софизме, в этом есть доля правды, но не вся правда. Палестинцы были настолько наполнены богатым местным содержанием, что не имели никакой нужды в национализме, в котором нуждается человек без корней. Палестинцы – дети своих деревень. Для них Джифна и Тайба, Насра и Бирам незаменимы. Мы получим представление об этой концепции, вспомнив мемориальную дощечку на кресте: «Иисус из Назарета».

Вот кое-что из того, чему мы могли бы научиться у палестинцев. Это любовь к нашим территориальным общинам, деревням и городам, к их людям вместо помпезной идеи о нации и государстве. В американском контексте это означает приоритет прав штатов, а не федеральных властей, приоритет графств перед властью штата; приоритет посёлков перед графством. Конструктивные идеи можно позаимствовать в Швейцарии: вы не можете иммигрировать в Швейцарию вообще: вас должен принять один из кантонов. Это справедливо: если богатые либералы или неокконы поддерживают неограниченную иммиграцию, пусть расселяют иммигрантов в своём собственном районе, как соседей. Предполагаю, что это почти полностью остановило бы иммиграцию.

Местное содержание существует фактически, в противоположность абстрактному понятию «нация». Оно также обеспечивает безопасность и защиту против отчуждающей и унифицирующей чумы Глобализации. Я согласен с критиками национализма и национального государства: национализм потерпел полную неудачу повсюду, от Италии до Японии, от Сербии до Израиля. Это изобретение XIX века было гойской имитацией еврейского самообожания. Оно пролило реки крови, создало мафиозные структуры, подавило свободы и спровоцировало яростную междоусобицу. Но какова альтернатива? Может быть, мамонское универсальное супергосударство, разрастающееся сегодня на основе *Rax Americana*? Может быть, это подражание еврейской стратегии потерявшими свои корни национальными группами в мультикультурном обществе? Нет, альтернатива лежит в неповторимом характере наших деревень и городов. Власть следует передать вниз, на уровень местных общин. На этом уровне нет места бюрократии и манипулятивной «демократии». Это спасёт простых людей от диктатуры хитрых экспертов и богатых магнатов¹. Мы должны учиться у наших палестинских братьев любить наши деревни и города, делая их такими же уникальными, как Джифна и Флоренция. Нельзя

¹ Эту идею поддерживал Бакунин, заклятый враг бюрократии, и её же прекрасно обосновал В. И. Ленин в своей лучшей книге «Государство и революция».

быть истинным патриотом своей земли, если не любишь свой город. Не напрасно Улисс так стремился именно в свою собственную Итаку, а не просто в Грецию.

Многие честные люди осуждают сионизм и сравнивают его с колониализмом или с немецким национал-социализмом. Безусловно, сионизм разорил прекрасную землю Палестины и способствовал концентрации власти в руках лидеров еврейских шовинистов в Америке и по всему миру. Однако, у сионизма имелась «уважительная причина», хотя, увы, о ней неприлично говорить в эпоху политкорректности. Позвольте нам смело заявить о ней. Сионизм и антисемитизм не только поддерживали и питали друг друга, как привыкли говорить антисионисты. Ранние сионисты вообще полагали, что некоторые специфически еврейские качества следует искоренить, лучше же всего – перевоспитанием евреев в суровых условиях Палестины или Уганды. Сионисты называли традиционную еврейскую ментальность словом «галутиут» (от слова «галут», рассеяние), что можно перевести как «особенности диаспоры», и считали её производной от жизни в Рассеянии, но она была в основном идентична «еврейству», как его определяли антисемиты.

Недавно остроумный американско-еврейский антисионист Ленни Бреннер прокомментировал письмо Хаима Вейцмана, написанное в 1914 году. Вейцман, ведущий сионист своего времени и первый президент Израиля, пишет о своей беседе с лордом Бальфуром (автором Бальфурской декларации), в которой лорд доверительно поведал ему, что «разделяет ряд антисемитских идей». Вейцман ответил лорду, что и сионисты согласны с «культурными антисемитами». Бреннер торжествующе заключил, что «в переводе на простой английский, Бальфур поблагодарил Вейцмана за подтверждение его антисемитских воззрений».

Молодые читатели, привыкшие к самовосхваляющим еврейским сочинениям, могут отнестись к подобным фактам с недоверием, но первые сионисты относились сурово к евреям, которых они знали не понаслышке. Для них масса еврейских адвокатов, порнодилеров, торговцев валютой, представителей лобби, банкиров, медиалордов, магнатов рынка недвижимости и либеральных журналистов была, по словам Вейцмана, «нежелательным деморализующим феноменом», иначе говоря – «отбросами общества» (как резко выразился Давид Бен-Гурион). Сионизм принял главную посылку антисемитизма и предложил средство: перевоспитание по-маоистски – в изолированной, удалённой сельской местности.

Но История распорядилась иначе. После поражения национал-социализма и коммунизма «галутная еврейская ментальность» оказалась побеждающей стратегией на поклоняющемся Мамоне Западе. Те самые «отбросы общества» – адвокаты и медиалорды – заморозили Америку и стали примером подражания для многих американцев, как евреев, так и неевреев. Израильский сионизм потерял свой боевой дух, выродившись в военную диктатуру, и выживает сегодня только благодаря субсидиям взятой в заложники Америки. Однако, это не означает, что «антисемитские» обличители из ранних сионистов были совершенно не правы, поскольку мирской успех – не единственная мера вещей.

Одна черта еврейской (галутной) ментальности особенно, удивительна и необычна. Когда российские еврейские пай-мальчики конца XIX века покинули тепличную жизнь еврейских местечек и оказались лицом к лицу с большим миром, они узнали об одном трагическом элементе еврейского существования: разрыве с природой. Евреи не проявляли интереса к природе, они не описывали её в стихах или прозе, не рисовали её, не имели с ней контакта. Их не заботил ландшафт за пределами их местечка. Молодые люди чувствовали, что такое положение вещей следует изменить. Некоторые из них отправились в Аргентину, где барон Гирш пытался привязать евреев к земле. Другие основали колонии в Крыму или Палестине.

Они мечтали избавиться от своей еврейской ментальности. Не звание еврея их беспокоило (некоторых беспокоило и оно, и тогда они требовали, чтобы их называли израильтянами или ивритянами, или хананейцами) – их не устраивали «еврейские» качества, от которых они хотели избавиться, воссоединившись с природой. Не будучи строгими сионистами, скажем,

что некоторые из них сумели избавиться от «еврейства» и не переезжая в Палестину. (Вероятно, их следует называть скорее потомками евреев, чем евреями). Большинство израильских евреев не смогли привязать себя к земле Палестины, поскольку это едва ли можно было осуществить без смешения с местными жителями.

Причину еврейского разъединения с природой объяснял другими словами, но примерно так же видный русский историограф, «русский Тойнби» – Лев Гумилев. Он считал, что «этнос» – это качество конкретной группы людей, связанной с конкретным ландшафтом. Этнос не может существовать вне экологической ниши. Гумилев определял евреев (или «неисправленных галутных евреев», как сказали бы сионисты), как людей антропогенного (рукотворного) ландшафта. Именно поэтому еврею так легко изменить место проживания: он игнорирует природу, тогда как современные города – все на одно лицо. Поэтому еврей обладает преимуществом перед конкурентами: если, скажем, часть сознания англичанина обращена к навыкам, необходимым для жизни в естественной окружающей среде Британских островов, еврейское сознание чудесным образом сконцентрировано на достижении успеха в рукотворной окружающей среде.

Гумилев заменяет традиционную дихотомию «евреи-гои» другой: «люди рукотворного ландшафта – люди естественных ландшафтов». Она не совпадает с дихотомией город-деревня, поскольку и городской обитатель может быть неотъемлемой частью ландшафта. Люди живут в красивых старых городах, Флоренции и Оксфорде, Иерусалиме и Мекке, Суздале и Лионе. Эти города росли как цветы, в них процветало искусство, строили соборы и мечети, они были уникальны, локальны и универсальны в одно и то же время. Есть место и для самых больших городов мира: Париж, Лондон, Бомбей, Шанхай – места встречи цивилизаций.

Однако, современные искусственные города, такие как Милтон-Кейнс, Лютон, Сен-Дени, разросшиеся пригороды Нью-Джерси, израильские Холон и Афула, советские городки – безлики, похожи друг на друга и «освобождены» от культуры. Но и старые города подвергаются натиску и превращаются в искусственные. Когда в них возникают магазины и кафе больших международных сетей, они лишаются своих особенностей.

Все города, в которых есть «Мовенпик» или «Хилтон», «Старбакс» или «Барклайз Банк» уже похожи друг на друга, уже лишились своей уникальности. Они становятся клонами одного протогорода, и их жители терпят поражение при столкновении с мобильными пришельцами.

Этнос добивается успеха в своей собственной экологической нише, но его постигает неудача в чужеродной среде. Чтобы победить в соревновании с другими этническими группами, этнос пытается приспособить себя к окружающей среде или приспособить окружающую среду к своим потребностям. Подобный процесс можно наблюдать при ловле большой рыбы: рыба пытается затянуть рыбака в собственную окружающую среду – в воду – поскольку справедливо предполагает, что может победить там. Рыбак тянет рыбу в свою собственную окружающую среду, на сухую землю, ибо уверен, что там сможет победить.

Именно поэтому (галутные) евреи стремятся исключить чуждые (для них) естественные ландшафты и вытеснить их искусственными, где они могут применить свою стратегию. Это такое же инстинктивное побуждение, как попытка рыбы утянуть рыбака в море. Пример именно такой стратегии даёт канадская еврейская династия Рейхманов.

Эта набожная ортодоксальная еврейская семья активно занималась продажей недвижимости в Канаде, Англии и в других местах. Они иммигрировали в Канаду из Австрии во времена Гитлера, и в 1980-х годах их богатство оценивалось в 40 миллиардов долларов. Рейхманы изобрели shopping mall или торговый центр – городской проект, который изменил жизнь людей на всём земном шаре. Эти «плазы» или «моллы» подорвали социальную структуру городов, убили традиционные небольшие магазинчики, разорили ремесленников и поддерживали фирмы с известными брэндами, большие компании, автомобильную промышленность, неуёмный рост пригородов и социальный распад. Моллы устранили преимущество местных изделий

или производителей в пользу импортируемых или централизованно производимых продуктов, ибо в молле нет традиционных магазинов или традиционных покупателей, нет мастерства.

Моллы принесли Рейхманам сказочное богатство. Канадцы говорят: есть богатые, сверх-богатые и Рейхманы. Этот клан поддерживал еврейскую благотворительную деятельность и израильские проекты, потратив много денег на иммиграцию российских евреев в Израиль. Но они причинили больше зла, чем добра нарождающемуся израильскому обществу. Их моллы опустошили Тель-Авив и Западный Иерусалим, так как относительно богатые покупатели переключились на моллы, а местные магазины, местные кафе, локальные пункты социального общения, потеряли своих клиентов. Израильское общество, одно время довольно связанное, рассыпалось на амальгаму разных групп. Дети иммигрантов с их поверхностной и сомнительной связью с местным пейзажем перестали играть на склонах Иудейских Холмов и стали проводить свободное время, бесцельно слоняясь по моллам, привыкая к искусственной окружающей среде, к посещению магазинов как к развлечению. Дети моллов способны запросто шагнуть из молла в Иерусалиме в молл в Торонто, где продаются те же брэнды, да и построены они теми самыми Рейхманами. Таким образом еврейская (галутная) тенденция подорвала и сионистскую утопию, как же, как социальную жизнь и традиции многих стран по всей планете.

Молл не появился на пустом месте. Поросль покупателей будущих моллов вырастала из массово-поточного производства, из прямоугольных, стандартных жилищных блоков, построенных после Первой мировой войны. Вдохновлённые Нимейером, они одинаковы во всём мире, включая мой родной Новосибирск. Эти жилищные блоки привели нас в рукотворную окружающую среду, оторванную от местного содержания, национальных традиций и естественной среды. Безликие города, восстановленные после великого разрушения мировых войн, особенно угнетают, но даже города, пощаждённые военным безумием, часто разрушались в угоду стандартизации...

Шведы пригласили Оскара Нимейера – родившегося в Бразилии сына иммигрантов, ученика Лючио Косты и Грегори Варшавчика – внести свой вклад в красоту Стокгольма. А он предложил уничтожить средневековое ядро города, Гамла Стан, и заменить его безликими рядами прямоугольных блоков. Этот проект был отклонён, но в качестве компромисса красивый центральный район XIX века Хотorget был стёрт с лица земли и преобразован в безликие однотипные блоки. Такие же блоки были возведены на месте прекрасного района Москвы XVIII века – Арбата. Друг Советского Союза, Нимейер повлиял на программу массовой жилой застройки в постсталинской России, что превратило многих русских в людей «рукотворного пейзажа». Мир фильма «С лёгким паром» был построен по планам Нимейера, и в нём исчезла разница между городами.

Однажды я взял режиссёра русского ТВ, симпатичную русскую девушку из Москвы на прогулку в ущелье Эн-Геди, одно из самых очаровательных мест в Палестине, с ручьями и дикими козами, пышной растительностью и маленькими водоёмами. «Разве нельзя было сделать точную копию этого ущелья в какой-нибудь курортной гостинице в Эйлате?» – пожаловалась она после прогулки. Она говорила всерьёз: ей, жительнице Нью-Васюков, не нужна природа с её красотой. Она не одинока. Показывая великолепные арабские особняки Иерусалима российским туристам, я часто слышал скептическое замечание: «Да, наверное, там можно жить, если нет выбора». А вот стандартные жилые блоки в предместьях Иерусалима вызвали их восторги.

Сельская Россия тоже была трансформирована стандартным жильём, коллективизацией и массовым оттоком населения в города. В конечном счёте Советская Россия стала страной двух парадигм: рукотворного и естественного ландшафта. Это разделение чувствовалось в искусстве, литературе, политике, экономических предпочтениях и социальной структуре. Господство искусственного стало почти тотальным, поскольку пост-сталинские коммунистические лидеры в своих желаниях и запросах всё более и более походили на людей Запада. Но дис-

сидентам и этого было мало – они хотели полностью скопировать рукотворный Запад. Писатели и художники-почвенники были маргинализированы.

Последствия расцвета искусственной парадигмы в России оказались печальными. Природа была разрушена, реки – отравлены промышленными отбросами; деревни – стёрты с лица земли как экономически нежизнеспособные. События 1991 года закончили передачу власти и влияния в руки сторонников искусственности, о чем сигнализировало чудовищное возвышение еврейских олигархов, нескольких супербогатых банкиров и промышленных магнатов.

Подобный процесс имел место и в других местах, и парадигма искусственности стала доминирующей парадигмой мира. Я не думаю, что Нимейер, Рейхманы и другие создатели искусственной окружающей среды сознательно трудились ради мирового господства (галутного) еврейства, во что свято верят фанатичные сторонники теории заговора. Некоторые из них действовали подсознательно, создавая среду, в которой они могли бы процветать, то есть, рукотворную окружающую среду. Другие просто не понимали, что искусственная окружающая среда смертельна для Естественного Человека и объясняли сопротивление народа косным предубеждением. Решительные и упрямые, они считали, что знают лучше, что хорошо для людей. Не исключено, что они даже не отдавали себе отчёта в том, что это хорошо только для них самих.

Так же, как рыба инстинктивно тянет рыбака в глубину, евреи – владельцы средств массовой информации – сформировали общественное мнение, тяготеющее к искусственности. Еврейские финансисты обеспечили фонды для «искусственных» проектов, еврейские строительные магнаты продвигали проекты массового стандартного жилья потому, что их симпатии были на стороне искусственного мира, потому, что они чувствовали: в этом новом мире они будут процветать. Я думаю, что эти действия были скорее инстинктивными, чем сознательными, поскольку то же самое имело место и в еврейской колонии в Палестине. Безусловно, эти евреи симпатизировали Израилю, и Нимейер даже прожил некоторое время в нашей стране, но их деятельность в Израиле была столь же разрушительной, как и в других странах.

Можно сравнить этот процесс с подобным же явлением, имевшим место, когда британские иммигранты колонизировали Северную Америку. Они должны были конкурировать с местными жителями, коренными американцами, которые достигли симбиоза с природой. Чтобы остаться в живых, колонисты должны были выбрать одно из двух: либо изменять себя самих, либо преобразовать окружающую среду. Следопыт Фенимора Купера был человеком, который приспособился к природе и обычаям коренных американцев. Если бы коренные американцы оказались достаточно сильными, чтобы заблокировать или ограничить иммиграцию из Европы, или же английские колонисты разделяли бы французское преклонение перед «дикарями» (индейцами), осталось бы место для постепенного приспособления.

Однако английские поселенцы, пылкие протестанты, приверженцы Ветхого Завета, были одержимы идеей избранности. Они считали себя Новым Израилем, повторяющим завоевания Иисуса Навина. Соответственно, местные жители стали для них «хананеями», которых должно «рассеять» (Навина, 33: 53) и «полностью истребить» (Навина, 21: 3). Парадигма Ветхого Завета (радикально преобразованная Новым Заветом и Кораном) – это парадигма тотальной войны, тотального уничтожения, присвоения чужой собственности и гегемонии. Вернувшись к Ветхому Завету, колонисты объявили войну «менее избранным». Именно поэтому они не только убивали и грабили коренных американцев, когда предоставлялся случай, но и разрушали окружающую среду: убили бизонов, отравили водоёмы, разрушили прерии. Разрушение окружающей среды – естественный способ захвата страны иностранными завоевателями.

Разрушая природу, они выполняют задачу Сатаны, потому что Сатана побеждает (упаси Бог!), когда все следы Божественного Присутствия устранены из нашего мира. Природа – источник божественного вдохновения. Бог, Который обитал в шатрах сынов Израиля и в лоне Марии, живёт и в роднике под святыней Палестинского Нагорья. Поэтому Сатана стремится

уничтожить природу и погубить талант человека, позволяющий ему вступать в союз с природой, с помощью людей, движимых на первый взгляд вполне мирскими причинами.

Причины разрушения ландшафта кажутся на первый взгляд экономическими. Когда пересыхает красивый ручей, река разбухает от промышленных отходов, вырубается лес, или старинный город превращается в новый жилмассив, мы склонны винить человеческую жадность. Но этот процесс идёт и без мотива прибыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.